

Елуков Артем

Панк

Сборник первый

18+

Артём Георгиевич Елуков

Панк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42384462

SelfPub; 2019

Аннотация

То, что печаталось в стол, но, захотев жизнь новую, прыгнуло со стола на пол и теперь, настоявшись, должно ударить в голову. И чтобы голоса произносили его, вибрацией по воздуху передавали, люди с ним свои судьбы переплетали.

Содержание

«То, что грызёт тебя...»	8
В коконе	9
«Помахивая крылами...»	11
«Новый человек...»	13
«Запрыгнуть в уходящий поезд...»	16
«Он волк...»	18
«Порывом ветра тучи рвал...»	20
«Я звуки музыки улавливаю всюду...»	21
Варша	22
«Нарисовало небо птицу...»	23
«Сижу, думаю, как разговаривал Пушкин...»	24
«Не спалось, сон махнул рукой...»	25
«Бушует...»	26
«Слова как камни брошены...»	27
«Всегда где-то она стоит за поворотом...»	28
«Ночь собирает меня гулять...»	29
«Луч солнца раздвинул шторы, ударил в голову...»	30
«Куда-то...»	31
«Я не видел славы...»	32
«Вышло глупо...»	33
«В руке сигарета опять дотла...»	34
«На лимонно луковом небе 6 звёздочек...»	35

«Что-то происходит...»	36
«Казалось раньше, вся жизнь, где-то там...»	37
21:21	38
Свеча	39
«Ох, наш мир полон ерундями...»	40
«Скользит перо, бумагу одевая...»	41
«Тысячи тысяч...»	42
«Песен много...»	43
«Когда сделать первый шаг сложно...»	44
«Выше к солнцу, к солнцу...»	45
«Поплыву против течения...»	46
«Самокопание вновь поглотило меня...»	47
«Ты пошутила...»	49
«Здравствуйте каменные муравейники...»	50
«Единственный зритель моих стихов – это моё же отражение в зеркале...»	52
«Ох, как на душе тошно стало...»	53
«Сидеть в комнате безвылазно...»	54
«Машина покрылась мелким потом...»	56
«Плевков смачный в душу...»	57
Хандра	59
Цена	61
«Ружьё на взводе...»	64
Воскресение	66
«В углу паутина...»	68
«Поезд поехал, удар...»	69

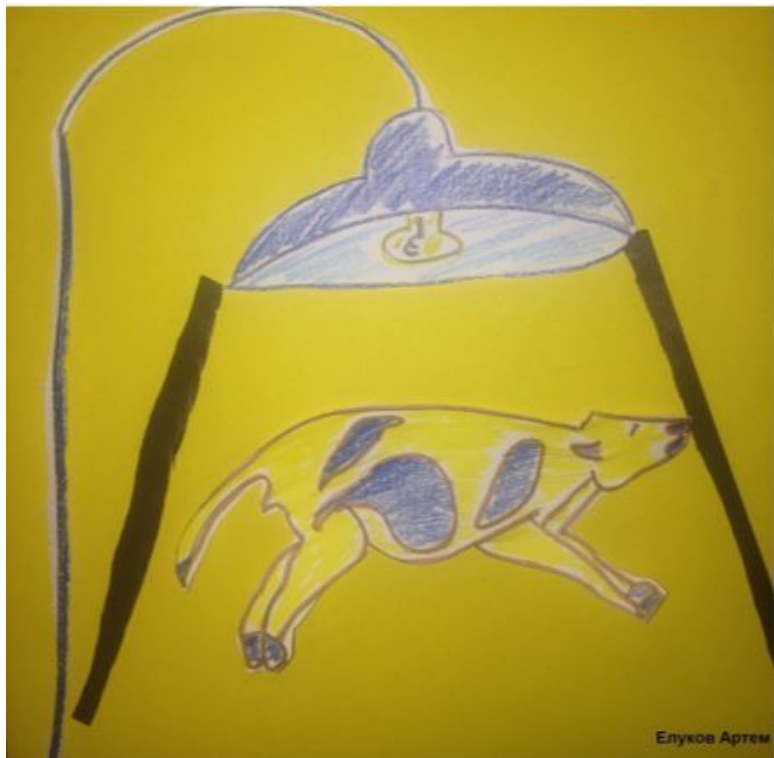
«Острыми клыками...»	70
«В провинциальном городе далеком...»	71
«Белой пылью застлало окна...»	73
«Картинами изложенные мысли...»	75
«Волна набежала...»	77
«Я большой серьезный человек...»	79
«Самопознание. Совершенство...»	80
Цикл «Ёлкинская Осень»	82
«Тук-тук...»	82
«Словно книжный червь, зарылся в книги...»	85
«Лиловая хмурая туча...»	86
Картина: Ёлкинская осень	87
«Спешит, как обычно, куда-то...»	90
Влияние томика стихов Есенина	92
«Ночь сегодня длинна...»	94
Поэмка	95

Стихи под ваши фотографии

в и .

Вот.

Нате!

Елуков Артем

«То, что грызёт тебя...»

То, что грызёт тебя,
Это фоновое,
Бессознательное,

Лучше выписать из себя.
На что ни будь белое,
Лучше бумажное.

От проблем не избавишься,
Это проверено точно.

Но оно не нежного грызть станет тебя,
А то, что терпеть будет вечно.

В коконе

Стены держат.
Потолок давит.
В комнате тесно.
Хламом завален.

Якоря и цепи.
Комфортные места.
Раб своей системы.
Кругом голова.

Как выйти из программы,
Сломать этот барьер?
Мои координаты
Вросли в косяк и в дверь.

В корабль с трубой кирпичной,
И я часть корабля.
Летучего голландца палубу
Покидать нельзя.

Умчать за белым кроликом
Из этой серой матрицы.
Душа, как птица вольная,
Взлетела б выше матрицы.

Обернулась в облако,
Омылась водопадами,
И обжигалась об огонь,
Рубцы оставив в памяти.

И ветер оседлав, она,
Чесала спину небоскребами.
И шумы леса слушала
С брусничными восходами.

Жужжала пчелой,
И звенела птичкой.
Пока за моей, ещё живой,
Душой
Не явился Чичиков.

«Помахивая крылами...»

Помахивая крылами
Тому месту,
Где город упирается в ад.
И чуть дальше,
Где змейкой извиваясь,
Искря кожей на солнце северном,
На камнях переливаясь, кашляет
Водопад.

Деревеньки стоят пригорбтившись,
Машут путнику старыми воротами,
Полные воспоминаний прошлой жизни,
Которую доживают.

Затерянные в болоте,
Заматеревшие, но полно тебе.
Я в них со слезами грусти и счастья,
и чего-то ещё непонятого,
невнятного.

Ружья, книжки,
Стулья, сетки,
Соседи, беседы
От завтрака до обеда.

Лавки, собака,
шаньги, печки,
Бензина два бака,
В кармане конфетки.
Кошки, бродни,
Лукошки, тихие дни.
Как ёлки царапают облака
Погляди.

«Новый человек...»

Новый человек,
Новые мысли,
Новые дела.
Строка, строка, ещё строка...

Столько царей сидело на этом троне?
Сколько голов примеряло эту корону?
О чем думал поэт, когда писал эти строки,
Сколько людей читало эти книги, какие извлекли уроки?
Столько мыслей роилось в головах
Сколько их родилось в делах?

Сколько глаз видело эти стены,
Сколько ног ходило по этим дорогам?
Какие у этих людей были мечты,
Не суждено никогда узнать нам.
А тут битва была громогласная,
За честь и гордость, и родину держали голову.
А сейчас только эхо той войны,
И не увидим мы больше ни рыцарей этих, ни славы их.
А здесь стояла избушка,
Где бабушка чья то в печушке
Шаньги внучатам пекла и ватрушки.
А тут церквушка стояла у речки.

В ней книжки великие
Писали древние.
Со свечкой, днём и ночью,
Перо слюнявя, думали о будущем.
А теперь магазин с парковкой
И остановкой,
Где народ шляется забыв обо всём святом.
Живот живет, живет живот.

Когда читаю книги эти,
Все представляю поэтов этих.
Вот как живые сидят передо мною,
Выводят в книжке строчка за строчкою.
Вот Лев Толстой, закрыл пол-листа густой седой бородой.
Вот чехов и Бунин,
В Париже в будни,
За столиком под Мопассана,
Пьют кофе с круассанами.
Лермонтов после дуэли
Рифмует слова в постели.
Вот Ханс Христиан Андерсен
В Копенгагене пишет сказку нам.
А Сергей Есенин, хулиган, повеса
Пьяный, бранным словом, шлёт приветы.

Любимые мои поэты...

А возможно когда то
На том месте, где я сажу,

Будет кипеть другая,
Новая жизнь.
И какой-то мальчишка,
Такой же, как я сейчас,
С грустной истомой глаз,
Подумает про нас.
Подумает, кто же тут жил,
Кто работал?
О чем думал тот человек?
Что оставил после себя?
И опять,
Наступит новый век.
И снова,
Новая строка,
Новые дела,
Новые мысли,
Новый человек.

«Запрыгнуть в уходящий поезд...»

Запрыгнуть в уходящий поезд
И раздернуть занавеску.
Волчье солнце светит ночью
В январе.
Неуверенные позы,
За знакомство – всем по двести.
Я, как обычно, еду налегке.

В пустом стакане только ложка.
Залилась, и с перезвоном.
Свет сбежал, а взгляд в окошко вмерз.
Я наперегонки с луною,
Она мелькает за стеною
Быстро проносящихся берёз.

Мы с луною неразлучны,
Ведь я ее далекий спутник,
Отражающий её холодный свет в своих глазах.
А в твоих глазах искрился лучик,
Моим мыслям он попутчик,
И твоих ресниц прощальный взмах.

Жизнь моя опять вильнула,
То, что было, то минуло.

Стремление познать весь мир дорогу торит.
Разговоры, разговоры.
Кто на море, кто-то в горы,
На мне сомкнулась тысяча историй.

Тихо спит седой вагончик,
Время сыпет как песочек,
Но в себе замкнуться не решение.
Мир огромен и прекрасен,
Сколько в нем ещё локаций,
И для меня здесь нет границ и нет делений.

В тамбуре туман табачный,
В самоваре чай горячий.
А я сегодня самый настоящий
Сойду на станции уездной,
Скажу себе: " ну что, с приездом"!
И здравствуй новый день, а старый в ящик.

«ОН ВОЛК...»

Он волк.
Бежал.
В нем кровь
Текла.
Кап, кап
На лист.
Берёз,
Рябин.

Он слаб,
Но смел.
В нем кровь
Волчья.
В нем дробь,
Картечь.
Он храбр,
но слаб.

В нору
Нельзя,
Волча
Та там.
Чуть-чуть
Левей,

И там
дать бой.

Не трус,
Бежал
Чтоб за
Щитить,
Чтобы
Спасти
Своих
Волчат.

Он даст
Там бой,
Порвёт
Собак,
Но сам
Умрет
От пуль
Врага.

«Порывом ветра тучи рвал...»

Порывом ветра тучи рвал

Февраль.

Зима снимает парус. Аврал.

Февраль.

Качается, и светит вдаль фонарь.

Февраль.

Дыхание дня длинней, чем сам февраль.

И в том Мораль.

«Я звуки музыки улавливаю всюду...»

Я звуки музыки улавливаю всюду,
Поёт мне трескотня болтливая лесов
Луна солирует, готовясь к африканской вуду.
И пряча в норы мышь, от миофагов сов,
Играет жизнь, набрякивая соул.

Я слышу музыку, она мне не чужда.
Стих – отражение музыкальных дней.
Я лишь хочу сказать, что иногда
Не только музыка берет начало от стиха,
Но стих берет начало в ней.

Варша

Озеро 14 километров

Сколько тут разгулялось ветров

Сколько поднято кружек

В жёлтых окошках избушек.

«Нарисовало небо птицу...»

Нарисовало небо птицу
На веселых облаках.
Взвились ввысь, и замахали
Два обрубленных крыла.
Я дожевываю пищу,
Тик-тик, так-так на руках.

Фейерверком мысль стреляет.
Словно скачет, я ей тпру.
В Черепной коробкой давит
Я все двери отопру.
Пусть живет она, гуляет
Мерит каплями весну.

В окна солнца блик маячит
Я сижусь, смотрю ей вслед
Носом шмыг, тихонько плачет.
Я накидываю плед
Это все чего-то значит
Знать бы что, и жить без бед.

«Сижу, думаю, как разговаривал Пушкин...»

Сижу, думаю, как разговаривал Пушкин.
Тембр голоса, тональность и прочее.
Ходил по Питеру с барышней, и как нашёптывал на ушко
ей ночью.
Ну, прям, думал, каким голосом он разговаривал,
Как кричал и бранился.
Картавил, комкал, глотал окончания.
Заикался или не выговаривал букву «лр».
Писклявил быть может, или басил.
Или как в стихах, четко каждое слово,
А может всегда рифмовал,
Стихами разговаривал, да ну, да какое там.
Может, не спал ночами и был от отчаяния,
Плакал, грустил, зарифмовывал словосочетания.
Знал ли, какое оставил наследие
Кучерявый гений нам?

«Не спалось, сон махнул рукой...»

Не спалось, сон махнул рукой.

Запрягай

Мысли снова в бой.

И в галоп,

В дальние края.

По местам,

Где бурьян трава.

Увидать

Места дивные.

Те, что,

Давно забытые.

Тройка торит путь.

Копыто режет грунт.

Увезла меня,

В сон, в забвения.

«Бушует...»

Бушует,
Вздымая к небу.
Заливая трюмы кораблей,
Фрегаты.
И будь ты праведник – ли, грешник,
Все одно.
Стихия

«Слова как камни брошены...»

Слова как камни брошены,
В воздухе напряжение.
Мои мысли, как старые калоши, сношены.
Мне не найти решения.

«Всегда где-то она стоит за поворотом...»

Всегда где-то она стоит за поворотом.
Ходит рядом, сзади, сбоку, сверху.
Я шкурой чувствую, я обливаюсь потом,
И мысли эти перед сном выходят на поверку.

Я у неё не первый, не последний,
Часть жизни, философии основа.
И человеческий мой скромный гений,
Как тыщи лет назад, поет ей оды снова.

«Ночь собирает меня гулять...»

Ночь собирает меня гулять

Пьяное утро заправляет меня в кровать

«Луч солнца раздвинул штору, ударил в голову...»

Луч солнца раздвинул штору, ударил в голову.

Кофеем обпитый сию, думу думаю.

Вот я родился уже,

И в садик схоженный.

Я школу до звонка отсидел,

Училище, колледж там.

Армию оттоптал,

Работу отработал.

И вот жду я все,

Чего-то нового, с грохотом.

Сколько порогов оббито,

Косяков проломлено.

Что-то уже позабыто,

Что-то по сто раз вспомнено.

Я благодарю каждый свой день,

Уж скоро общее "до свидания"!

Но все мне кажется, что не жизнь,

А какой-то... зал ожидания.

«Куда-то...»

Куда-то,
Туда-то.
В фантомное счастье.
Где радость
И детство
По кругу пошло.
Твоё подсознание
Рисует туманно.
Но ты не ведись,
Ты сегодня живёшь.

«Я не видел славы...»

Я не видел славы,
Я не знаю что это такое.
Но если на меня накинут лавры,
Я упаду или приму их стоя.

«Вышло глупо...»

Вышло глупо?

Возможно да.

А что жалеть?

Жалеть нельзя.

«В руке сигарета опять дотла...»

В руке сигарета опять дотла.
Что внутри намела моя метла.
Просижу на кровати до света.
Что ж ты душу жрешь, мерзкая тля?

«На лимонно луковом небе 6 звёздочек...»

На лимонно луковом небе 6 звёздочек.
Первая из них надеждой блещет,
Вторая морозной свежестью бодрит.
Две звёздочки на небосклоне вместе,
Как две слезинки, золотом горит.
Одна мужскою, грубой силою сияет,
Вторая добротой, любовью дополняет.
Пятая из них, как Вифлеемская Звезда младая,
Покой и сон тихонько охраняет.
Шестая,
Сверкнула ярко,
Мерцнула,
И застыла.
Укутавшись, как пледом,
Чернью неба.

«Что-то происходит...»

Что-то происходит.

Что-то случается.

Было бы странно, если не так.

Вывода нет, не получается.

Жизнь происходит,

Такой вот факт.

Происходит повсюду,

Происходит со всеми.

Произойдёт...

И сойдёт на «нет».

Такое вот блюдо,

Мы все его ели,

А коль не идёт,

Прибережет на обед.

«Казалось раньше, вся жизнь, где-то там...»

Казалось раньше, вся жизнь, где-то там.
Сейчас знаю, что центр здесь.
Все семь миллиардов разбросало по сторонам,
В центре воронки только я и моя тень.
Семь миллиардов,
И каждый в воронке.
Что за большая была война?
И каждый из нас погряз в гонке,
Где финиша нет, он мираж.

21:21

Махнул крылом,
Взвился в небо.
Большая птица
Вверх стремится.
Лети.
Время бог.
Время песок.
Тикает так
Тихо: Тик, так.
А если самому стать временем,
Слиться с вечностью.
Пространственно неограниченным
Мгновением.
Чтобы в этот миг,
Рядом со мной – та.
Стать тихим "тик",
И следом нежное "так".

Свеча

Свеча горела на столе.
Потом сгорела!

«Ох, наш мир полон ерундями...»

Ох, наш мир полон ерундями.

И глупостями заодно.

И горестями.

Ну, правда, нам не всёльравно?

Но мы крутимся лопастями,

Не замечая ерундей.

Несемся мы за радостями, за любостями,

Все резвей!

«Скользит перо, бумагу одевая...»

Скользит перо, бумагу одевая

В чернила.

И мне легко.

Сознания освобождая

От пира мира.

«Тысячи тысяч...»

Тысячи тысяч
Пытались высечь
На времени имя.
Богатые и нищие
Всегда чего-то ищете.
Ищу и я.

«Песен много...»

Песен много.

Я один.

Религий много.

Бог един.

Завтра будет,

Победим.

Завтрак будет,

Поедим.

«Когда сделать первый шаг сложно...»

Когда сделать первый шаг сложно,
Когда сомнения душу твою терзают.
Страх нет, страх – фантом.
Это ложно.
Ведь только испытатели что
Будет за поворотом, знают.

Делай шаг, делай два, бег...

«Выше к солнцу, к солнцу...»

Выше к солнцу, к солнцу!

Тянемся выше!

Жизнью пышем!

Ветки зеленые!

Корень крепкий!

Но вдруг.

Пришёл человек.

Топориком тук.

Теперь я бумага,

На мне написали,

Подчеркнули,

Вычеркнули,

Выкинули...

«Поплыву против течения...»

Поплыву против течения,
Но дойду до цели.
Жизнь это конечно качели,
Где не надо учитывать все мнения.

«Самокопание вновь поглотило меня...»

Самокопание вновь поглотило меня.
Гляжу в потолок, а на нем ни черта.
Вокруг меня проведена черта.
Иду в никуда, одинокий Адам.
Ева, изведав запретного плода кусочек греха,
Познала на опыте чувство стыда.
После чего была привита от него навсегда,
Оторвав от себя оба крыла.

Странник по пустыне брёл к заветным местам.
По горячим пескам.
Дороги не видно конца.
Не поддавался надежды глоток уставшим глазам.
Идти, не смотря назад, и веровать.
Быть не под, а над человеческой мерою.

Отдавай, говорит Акакий, мою шинель.
Ты отдай,
Но шинель сначала возьми да на себя примерь.

Встречают по доллару, провожают по рублю,
В параллельной вселенной Герасима утопила Му-Му.

Хочется крикнуть, Пронька, чая!
И всю ночь скрипеть пером, его мочаля.
Выводить как Сергей Есенин – 26
26 их было, 26.

Стукнул по столу,
Брякнули склянки.
Какой-то дурдом,
Четыре стенки.
Приложился лбом,
Приклонил коленки.
И вырос зелёный дуб.
Лукоморье – моя стоянка.

«Ты пошутила...»

Ты пошутила.
А вот и смех за экраном.
И я в такси утром ранним.
Ещё город спит под туманом.
Крадётся луч меж домами,
Заполненными именами.
Перебираю ногами.
Ищу святые Граали.
Их заполняю спиртами.
Загородившись стенами.
Я закрываюсь руками,
Всё проклиная словами.
Отверженный, ..., вами.

«Здравствуйте каменные муравейники...»

Здравствуйте каменные муравейники,
Здравствуйте муравьи.
На мою рубаху налипли репейники,
Ноги завязли в грязи.
Я хочу бежать,
Но как будто во сне, не могу.
Судьбу улаживать,
Давать ей чак-чак и нугу.

Руки сложить на груди,
И если себе, то ладно.
Звезды мерцают вдали,
Ветер подул прохладный.

Добрый и честный ты,
Не добрый, не честный мир.
Я, как в марте коты,
Закачу на весь свет пир.

И нам говорят ха,
На то, что вокруг ху.
И требухой требуха
Погоняет опять требуху.

На ноги поднимусь, отряхнусь,
Представлю звуки моря.
Я никогда не возьмусь
За переписывание истории.

«Единственный зритель моих стихов – это моё же отражение в зеркале...»

Единственный зритель моих стихов – это моё же
отражение в зеркале,
На фоне которого все полные залы меркнут.
Я пишу для себя, о себе, и потому это чистая правда.
Мне не кому врать, не зачем врать, ведь я прав, да?

«Ох, как на душе тошно стало...»

Ох, как на душе тошно стало.
Бесят люди, места, суматоха.
Нет радости и нет печали.
Хочется душу скинуть долой.
Однообразие достало.
Наверно, пора вернуться домой.

«Сидеть в комнате безвылазно...»

Сидеть в комнате безвылазно,
Прислушавшись к завещанию Бродского.
Пыль из углов повылазила,
Ранее покрывавшая доски.
Поддавшись движению Броуна, танцует над освещённой
солнцем скатертью.
Тикают бесполезно часы – дело, впитанное с молоком
матери.
А я готов на всю зиму уснуть, как бабочка между рамами.

Не знаю что делать, увы, пока турка на плитке греется.
Посидеть, полежать, походить.
Утро уже не горит, не искрит, не дымит, а тлеется.
Ну же! Варись кофе, варись.

Варись как в последний раз.
Обдав комнату ароматом
Не свежего сена, не роз.
И не кофе из автомата.

А запахом молотых зёрен,
Наполнив меня добрым утром.
Чтобы я смог завестись,
Чтобы я смог заработать.

Чтобы я смог включиться
В этот новый, зачем-то, день.
Катись ты, кофе, катись.
Сегодня опять мне лень.

«Машина покрылась мелким потом...»

Машина покрылась мелким потом
От багажника до капота.
Люди на работу в субботу.
А я, находить прекрасное, разное,
Что скрывается, не замечается.

«Плевок смачный в душу...»

Плевок смачный в душу,
Будто от порчи.
От непосильной ноши
Пучит.
Хлеб да соль,
Без осадков тучи.
Гол как сокол.
Зачем себя лишним мучить.
Нарыв гнойный
Разрастается.
Нары ноют мне,
В такт стараются.
Что потеряно – где-то найдено.
Кто-то рано,
Кто-то поздно.
Отворили раму,
Посмотрели в бездну.

Были малыми,
Подставляли руки ливню.
Что-то положили,
Что-то вынули.
Кость в переломе
Только сильнее

Чем было...

Хандра

Лежу в кровати, курю сигарету за сигаретой.
Ветер завывает в трубу.
Стучит по стеклу веткой.
На улице не осень.
Но уже и не лето.
Даже зима не способна заморозить время это.

Тучи синим грузом давят и гнетут.
Мою хандру слепую я берегу от пут.
Уставился в косое окно, как в неугасающий телик.
Надеясь увидеть волшебный мир, что так велик.

Посидел на скрипучем кресле в безмолвных позах.
Как первые седины – желтизна появилась на березах.
В душе кошки погуляли и не убрались.
Мысли ни о чем, а если и о чем и завалялись,
То я их подумаю немного и уберу в тайник.
И снова ни о чем, и снова я не в них.

Моя хандра седая все сыпит и сосет.
А ветер за оконцем листву желту метёт.
Я книгу не читаю, я телик не смотрю.
Я одеяло грею и чай с малиной пью.
Мне хочется согреться теплом любимых рук.

Душою распластаться под звон вишневых губ.

И хочется зарыться, закутаться, курить.

Мне хочется сегодня кого-нибудь любить.

Цена

Что сто́бит день
Что сто́бит ночь
Что сто́бит мимо
Что сто́бит вточь
Что сто́бит мир
Что сто́бит дождь
Что сто́бит миг
Что сто́бит вбитый гвоздь

Что сто́бит пение птиц
Что сто́бит падение звёзд
Что сто́бит улыбочивость лиц
Что сто́бит дорожка серебра от слез
Что сто́бит музыка
Что сто́бит воды глоток
Что сто́бит дружба
Что сто́бит отчаянный рывок
Что сто́бит час
Что сто́бит боль
Что сто́бит плач
Что сто́бит любовь
Что сто́бит секунда ценителям вечности
Что сто́бит притаённый исход мимолетной беспечности

Что сто́бит искренний смех
Что сто́бит замоленный грех
Что сто́бит сорванное с уст
Что сто́бит расцветающий куст
Что сто́бит ветер
Что сто́бит небо
Что сто́бит один вечер
Что сто́бит кусок хлеба
Что сто́бит печаль
Что сто́бит радость
Что сто́бит взгляд
Что сто́бит усталость

Здоровье матери, отца
Что сто́бит преданность и верность до конца
Что сто́бит первый шаг
Что сто́бит последний крик
Что сто́бит смерть
Что сто́бит жизнь

Что сто́бит туманная память носителей имени
Что сто́бит
Всегда
Или в определённый отрезок бесценного времени
Что сто́бит это всё
Всё вместе
Или по отдельности
Для кого-то дороже всего на свете
Для кого-то нет ценности.

«Ружьё на взводе...»

Ружьё на взводе.
Мысль шальная
Закралась в голову мою.
Ружьё на взводе,
И до края
Один лишь шаг всего шагнуть.
Ружьё на взводе.
Понимаю.
Рука трясётся и дрожит.
Ружьё на взводе.
Мама дорогая,
Как сильно хочу жить.

Но слева голос.
Бес мне шепчет.
Спусти курок, прижми свой пальчик.
Мой милый мальчик.
РРаз...
И нет тебя и нет хлопот.
Но справа голос мне на ухо
Сиплый голос подаёт.
Не смей!
Я без попкорна
Смотреть не буду твою смерть.

Но грянет выстрел
В стену дома!
Дробь обцарапает лицо.
Но грянет выстрел!
Порох дымный осядет на веках пылью.
Но грянет выстрел!
Это пламя,
Из сердца выплется крик.
Я закричу, не надо рая!
Что я хочу ещё пожить.
Не Курт Кобейн я
Между делом.
И трус.
Чего там говорить.
Но рад, что дух и моё тело
Готовы дальше со мной жить.

Воскресение

Во мне сидят бесы.
И с ними я один на один.
И куда бы ты ни ходил,
В какой бы уголок не воткнулся,
Они за тобой волокутся.
Я с ними водку пью, веду беседы.
Они, то больше вроде, то меньше, в размере.
Борюсь, смирюсь, и их приму.
Боюсь, когда-нибудь помру.

Я бы хотел чтобы на моем надгробии
Было написано что-то вроде:
Покорял вершины, укрощал шторма.
Летал как ветер, светил как звезда.
На вершине Мельпомены
Сверкал.
Но пал,
Не долетев до солнца, как Икар.
Давал новые надежды, как заря,
И жил не зря.

Но кто я?
Кто-то ктойтович,
Из села бессмыслица.

И звать меня человек без лица.

С планеты Земля.

И годов мне нисколько, поскольку я вечно был и вечно буду.

И поначалу не верил я себе, а верил людям.

И блуждал как в тайге, навстречу бурям.

Я сам себе царь и сам себе бог.

Я открывал свой внутренний ларь счетчиком шагов ног.

Часто оступался.

Бывало, уступал.

С верой просыпался.

С надеждой засыпал.

Мечты мои рождались

Безвестно пропадав.

Дела, что начинались, не перерождались

В готовые дела...

«В углу паутина...»

В углу паутина,
Сквозняк гуляет по комнате,
Растения поглотила пустыня,
И Клавиша западает
На последней ноте.
Фотокарточки прадедов
С укоризной взирают со стен.
Давно тут не было праздников, давно не было перемен.
Сколько лет уже минуло.
Память детская уже сплошное рвание.
Половица старая скрипнула.
От этого дома только название.

«Поезд поехал, удар...»

Поезд поехал, удар.
Станция, свет фар.
Плотный дым непроницаемый.
Ржавчиной и смрадом покрыт
Вокзал,
Именем города нарицаемый.
Дворник заметает дорогу.
Эхо дублирует речь.
Прохожий кладёт бездомному
Из кармана последнюю мелочь.
В купе книга и чай.
Мерное сердцебиение поезда.
Я сегодня отчалил
Из не этого
До не того города.

«Острыми клыками...»

Острыми клыками
Разрывает артерию.
Кровь хлещет ранами.
Гул гуляет по прерии.
Мясо, кусками глотая,
Жадно впивается в плоть.
Хищник старый отстал от стаи,
Но охотится ночью он вновь.
Треск кустов народил тревогу,
Недаром, оттуда вышел другой.
Шерсть вздымает, и лапы
Для броска под большой головой.
Противостояние глаз,
Свирепый оскал и рык.
Одна добыча на этот раз,
На двух, и один будет сыт.
Кто победит не знаю,
Но закон жизни таков,
Старую на сильную и молодую
Заменяет она кровь.

«В провинциальном городе далеко...»

В провинциальном городе далеко
Сохнет тополь.
Ввысь луч солнца манит непокорный,
Но корни не питают больше земли соком.
Прекрасной звёздочкой рассвет
Упал на лист его росой.
Мучимый жаждой собирает
По капле он в свою ладонь.
Запуталась в ветвях сухих погода,
И время притупило зуб
Чудит волшебник.
Магия.
Природа.
Дотронулась щекой до полумёртвых губ.

Взахлеб. Взахлеб!
Впитал он влагу и зацвёл,
И распустилась шапкой крона.
На которую прекрасная ворона
Села, и запела соловьем.

Ещё немножко времени отпущено
Шуметь листвой по ветру в один голос с кущами!

«Белой пылью застлало окна...»

Белой пылью застлало окна,
И было из него видно только:
Как вечерний фонарь
Из тьмы выделял
Танец с саблями
Маленьких белых гусар.
Он скрипел и шатался им в такт
И подсказывал: "таааак, так, мол, и так".
А гусары взяли барышень в пары,
И ну кружиться, как на балу маскараде.
Тут софиты бьют и канонады,
И неуловимого оркестра взгляды.
А какие на парах наряды!
И как они счастливы и рады!

Дирижёр ветер ускорил ритм.
И уже ни вальс, ни канкан, а трип.
Хоровод неуправляемой толпы
Заметает собою столбы.
И уже как будто танцует снизу вверх.
Фонарь качнулся, померк.

И зажглись в сотни раз ярче звезды.
И под светом небесных звёзд танцует земные звезды.

А под танцем земных звёзд светят небесные звезды.
Звездное небо танцует в такт земному небу,
Подобно зеркальному отражению.
И вот танцуют два полотна.
Небо!
Земля!
И те, что небесные вечные
Будто завидуя тем, что скоротечны, беспечны.
Захотели сорваться вниз,
И продлить их прекрасную жизнь.
Решили с небес упасть,
В пропасть
И пока лететь, танцевать
И пропасть.

«Картинами изложенные мысли...»

Картинами изложенные мысли.
И музыкой озвучен разговор.
Путь ревностной любви окончил выстрел.
Кто в облака счастливый поднял взор.
Кто, прикоснувшись тонкою рукою,
Встревожив струны душ,
Издаст аккорд.
И льется этот свет из судеб,
И достает до нас.
Печать любви у всех на лицах.
Кто сдался ей,
Кто сам вершит ей приговор.

И тот, кто повстречается с тобою.
Кто знает путь?
А Ева, изведав плод запретный,
Осталась в памяти как та, кто предает.
Джувьетта и милый наш Ромео,
Познав о счастье, попадают в гроб.
Улыбка тайная прекрасной Мона Лизы
Под кистью гения
На вечность замерла.
Искусству, чарам, музе, вдохновенною
Мы поддаемся не тая.

Рассказывают мне картины сказки, и говорят мне песни
вскользь,
О том, как жизнь может быть прекрасна,
Или о том, как человек испытывает боль.

«Волна набежала...»

Волна набежала,
И скрыла все
Прибрежные мели.
Но ненадолго,
Ведь потом
Она отошла.

А ты ненароком
С плеча рубанула
По сердцу,
По сердцу
Спокойным,
Холодным клинком.

Я стискивал зубы,
Я сопротивлялся,
Но тщетны усилия.
Ступай же кривой
И порочной
Дорогой своей.

Я испил бочки водки,
Я жить разучился,
Но вновь задышал,

Повстречав на пути
Белые плечи
И ласковый взгляд.

Но тревожится нерв
Когда ее я встречаю,
Или когда обсуждают
При мне её
Острый взгляд,
Тонкий ум.

Волна отбежала,
Но оставила в память
Испещрённый песок,
И лихую судьбу.
Но волна за волною,
И смывает немного

Старый след
Новым.

«Я большой серьезный человек...»

Я большой серьезный человек.

У меня сейчас на проводе пять клиентов.

У меня деловые встречи, презентации, кофе-брейк.

У меня бизнес и семь патентов.

У меня жена и пять детей...

Эй, бармен, и мне налей.

«Самопознание. Совершенство...»

Самопознание. Совершенство.

Учения там какие то.

Книг глупцов пленство.

Самокопание, недоедание, недосыпание, недоебание!

Корпорация, аналитика, бизнес.

Карьерная лестница, как высоко залез.

Ты все знаешь, ты самый умный, обычные люди вялые трюфели.

Стремление, упорство, мытарства!

За комфортную жизнь – полцарства!

Спешить, зарабатывать, тратить.

Канючить, пресмыкаться, лебезячить!

Вы все выше и выше, ниже солнца, но выше крыши!

Белка в колесе уже сдохла, у твоего колеса уже вся смазка иссохла,

Но ты крутишь его уже из последних сил, и видишь в нем смысл всей своей жизни, как в наркотиках видит смысл Энди Уорхол.

Вы все выше и выше,

А я падаю в низ,

Мне тут комфортно,

Здесь в рифму просится «заябись»,

но пошло все к хуям собачьим, я

рифмой ставлю слово «шуланбуланкрабитантутумба».

Цикл «Ёлкинская Осень»

«Тук-тук...»

Тук-тук.
Стучит.
Волнуюсь.
Дорога дальняя
Меня ждёт.
Давно так не был там,
Перевернусь
На бок,
Но не могу заснуть.
Тот дом, крыльцо.
Черемуха раскинула корону.
Пёс верный,
Конь хромой.
Пытаюсь
Я взгляд его поймать,
А вдруг узнает,
И рысью пронесёт
По полю.

Возьму ружьё,
И в лес.

Брусники горсть сорву.
Присяду
На выкорчеванный корень.
Вдохну
Лесов прохладу,
От которого
Так кружит голову.
Послушаю трескучее ворчание
Старой ёлки.
И закурю.

С утра на речку,
На моторке.
Ещё бросает в дрожь,
Туман скрывает ёлки.
Накрапывает дождь.
Я как собака.
По ветру нос,
Язык на бок.
Глотаю ненасытно воздух,
Улыбка до ушей.

Проснулся.
С утра за руль.
Две тыщи километров.
Туда,
Где елка.
Пёс.
Река.

Моторка.
Болот бескрайний край,
И темных вод
Молчание.

«Словно книжный червь, зарылся в книги...»

Словно книжный червь, зарылся в книги.
Стен квартет и одинокое соло крыши.
Я зачем-то показывал фиги
Шебаршашей под полом мыши.
Электрический свет от лампы
Подразнил темноту, и скрылся.
На миру я, как пёс без лапы,
Но открыт, что скелет оголился.

Дом за домом пустей пустого,
Зарастает травой да мохом.
Лишь бы ходили по этим дорогам,
На остальное немножко похуй.

Вдруг натикало, что светает.
Не поверю, и ночи мало.
Мне деревня напоминает,
Что со мною когда-то станет.

«Лиловая хмурая туча...»

Лиловая хмурая туча
По небосклону плывет.
Огромна она, могуча.
Перекатится и сверкнёт.

Пышную грудь нахлобуча,
Подол свой она подберёт.
Лиловая хмурая туча
По небосклону плывёт.

Серьёзна она, лохмата.
Вздыхает свои глаза.
Дума её тяжела, богата.
Чуть-чуть и зарыдает она.

И вот готова она разродиться
Огромным количеством слез.
Чтобы вновь возродиться
И накапливать новый обоз.

И вот белое пушистое облачко
По небосклону парит.
Легко и безмятежно
В ней умиротворенье говорит.

Картина: Ёлкинская осень

Конец сентября брякнул на дно кузова.
Мне моя муза играет музыку.

Кто тут меняет гардероб круглый год?
Нынче желтый на показе мод.

У солнца восемь настроений с утра.
Дорога: Урдюга, Усамосара.

Виска нашла устье, не потеряв исток.
Вдоль по едоме глухариный ток.

У природы единое мерило?
Художник пролил чернила.

Ох, и напичкано...

С кисточки спрыснул на холст небосвод звёздами
точками. Северное сияние переливается в палитру
мастера радугой.

На землю с неба.

Художник доволен, художник вновь принялся за дело.
Поводил, поймав вдохновение,
Не смывая с кисти разными красками листву на дереве.
Вспыхнула рябиновая заря.
Акварелью вымазана за рекой яра.

Слишком наляписто.

Ну что ж,

Пусть будет,

То Вода унесёт,

Что ветер сдует.

Наброски неба:

С нежного голубого перешёл на хмурый синий.

У художника пропало настроение.

Залил водой, размылась краска,

Уплыли листья, тучи сошли на землю.

Дурачится невидимый гений.

В заструге небо падшее.

Кружит вихорь, крутит водоворот, в глубину вовлекая

Скелеты вчерашних забот.

Художник, капризный ребёнок, опять за работой.

Добавляет все больше

Монотонной белой гуаши с творческой заботой.

Замазывает пестрый холст, поверх покрывая туманами

ранними. Тёмных пятен натыкал,

Которые во тьме оживают, пугают.

Художник не спит, он не творит, он воюет.

Картины одна за другой.

Над одной согнулся как ювелир, у другой как

фехтовальщик в запой.

Танцует.

Отступил, наступил.

И малюет, малюет:

Лосиный бой.
Медвежий след.
Черничный слой.
И клюквы плед.

А на брусничном ковре
Пожар, пожар.
Перешел по руке,
И в рот попал.

Картина готова.
Затем зима.
Начинать все снова,
С нова́.

«Спешит, как обычно, куда-то...»

Спешит, как обычно, куда-то

Речка.

Просыпается с зевающей пастью

Печка.

Сапоги тяжелеют от бурой грязи.

Сухие цветы в вазе.

Лужи стеклит прохлада

Ночи.

Две капли скатились, соединившись в ручей.

У расковырянной ногтем рамы

Блик лампы.

Зелёная скамейка в саду

Пузырями.

Кто в школе, а кто на охоте

С дробями.

Лошадь поржала на мой вопрос,

Кто лето унёс?

К шее тянут дряхлые пальцы

Ветки.

Бусинки на рыльце окутали угол

Сеткой.

Прощальные крики птиц.

Дождь барабанит на бис.

Влияние томика стихов Есенина

Заколыхалось зарево заката,
Отплясалась вешняя трава.
Я спускаюсь по горе покатою,
И сегодня пьяный я в дрова.

Поле ты моё, отколосилось.
Отголосился лес от пенья птиц.
Не молись ты за меня, коли молилась.
Не вставай перед иконой ниц.

Судьбу свою стегаю я поводом.
Не спускаю ей, я знаю путь.
Но коли встретите меня подворьем,
Я расплачусь, не сдержать мне грудь.

Я хожу под небом, не под богом.
Я устал, но что мне ныть.
Может, что-то мне и вышло боком,
Но я и дальше буду против шерсти плыть.

Отколыхалось зарево заката.
Народилась новая трава.
Я вздымаюсь по горе горбатой,
И сегодня пьяный я в дрова.

«Ночь сегодня длинна...»

Ночь сегодня длинна.
Светит ярко луна.
И только она мне одна
Постоянно верна.
У дома изгородь пала,
Накренилось крыльцо.
Друг мой, пёс, дал мне лапу,
Облизал все лицо.
Ночь сегодня тиха.
Слышно ясно в лесу,
Скрипит тихонько ольха,
Наклонившись к пруду.
И я так же сегодня,
С грустью во впалой груди,
Посижу у крыльца,
И повою в тиши.

Поэмка

Я шёл семимильными шагами
По лесу темному.
Сырой большой траве.
Болоту мрачному.
Сбивая мухоморы,
Да пни старые.
Мышь летучая
Вниз головой висит.
Воет волк.
Луну прогоняет прочь.
Старый лес ворчит, ветер дует лист.
Шел вглубь леса, чтоб
Развеять страх я свой.
Долго я гулял
По лесу этому.
И петлял в ветвях, и хотел дойти
До конца пути.
Найти золото, что там спрятано.
Все ходил, бродил.
Нашел девушку на распутии,
И меня звала в дорогу дальнюю, в другую сторону.
Но не согласился тут,
И пошёл далее
Судьбу баловать.

Укусил тогда
Меня змей в ладонь.
Укусил тогда
Меня ящер в грудь.

Шёл я далее походкой пьяного, и доходил я до
Развилок семи троп, дорог.
Повстречал тогда
Старца мудрого.
Он выпрашивал, куда путь держу.
И сказал, узнав, что за златом сим на гору ползти, что в
тучах грозовых.
Но чтобы злато взять душой чистым быть, а то ослепнешь
ты, да отравишься.
И будешь ты травить
Всех, кто есть вокруг.
И злато взяв когда, обязан ты сидеть
На той горе.
Да чахнуть все над ним,
И соришь дотла.
До пепла дымного.
Коль душой не чист,
Не гонись за сим.
И зажгло тогда
Ладонь правую.
Не поверил я старцу мудрому, и пошёл в гору, забирать
казну. Долго шёл, плутал, наконец нашёл.
Там сундук стоял, весь огнём горел.

Череп был на нем
С чёрным вороном.
Ворон каркнул – «карр» и взметнулся ввысь
Да и сгинул прочь.
Я дотронулся до блеска золота,
Улыбнулся я во весь широкий рот, и ослеп как крот
В подземелии.

Чахнуть стал, слабость, и бредить лишь одним, как бы
золото
Мне бы уберечь.
Но загло меня вдруг грудь левую,
Яя давай бранить гору эту, и как давай бежать, не смотря
назад, с горы кубарём,
Проклиная всё.
И не знал тогда
Куда же мне идти.
Знал, что я не чист, и что почти сторел.
Постоял опять перед выбором,
На распутии
Что о семи дорог.
Подошла опять
Мила девушка.
Ждёт судьбинушку,
А к ней я пришёл.
Подошла ко мне,
Да давай латать
Раны ратные.
Да причесывать

Волос вьющийся.
Сердце грубое
К ней разнежилось.
Да пошёл я с ней
Счастье искать.
По тропе, к лугам
Вышли мы вдвоём.
К речке полной рыб.
К берегам крутым.
Жили счастливо, бес не баловал.
Мысли скверные
Не рождали мне.
Выбирать порой нужно взвешенно, и оценивать
Ситуацию.
Золото порой не только что блестит,
А блеснет тебя
Заставляется.

To be continued...